

Минг Шу крепко сжимал свой мобильный телефон. Его взгляд был прикован к словам «Бай Ин» на доске. Многодневная усталость накопилась, в результате чего на его налитых кровью глазах появились тонкие красные вены.

Нахмуренные брови и покрасневшие глаза придавали ему более свирепый и враждебный вид, чем обычно.

Не получив ответа, кроме звука дыхания Минг Шу, Сяо Юань спросил:

— Капитан Минг?

— Я здесь. — Минг Шу отвел взгляд от доски и правой рукой пощипал брови. — Я здесь.

С этими словами он повернулся к столу для совещаний и схватил стул неподалеку. Он сел, подавляя волну трудно поддающегося описанию гнева, и спокойно сказал:

— Я думал все это время. Кто-то приложил много усилий, чтобы работать с Гун Гочжэнем, чтобы вытащить Цинь Ина из тюрьмы. Заместитель Сяо, вы подали мне новую идею.

— Кто-то положил глаз на определенный орган в теле Цинь Ина, — сказал Сяо Юань. — И если это связано с семьей Чу, то это было сердце.

— Подожди! — Минг Шу поднял руку, хотя Сяо юань не мог увидеть это движение. — Чу Синь — племянник Чу Линьсюна только по названию. Ходят слухи, что на самом деле он незаконнорожденный сын Чу Линьсюна. Он был в центре внимания в семье Чу, пока внезапно не стал монахом. Только после того, как Чу Синь стал монахом, Чу Цин постепенно занял его место. Операция на сердце, монашество, храм Хайцзин... Но, ге, кроме того факта, что Чу Синь замешан в деле, которое мы расследуем, нет никаких других улик, которые связывали бы его с Цинь Ином.

— Это правда, что нет никаких доказательств, — сказал Сяо Юань. — Но если мы подтвердим, что Чу Синю действительно сделали нелегальную пересадку сердца, и если сердце было взято у живого человека, это объяснило бы, почему Чу Син отказался от карьеры и решил стать монахом.

— Он хотел раскаяться, — сказал Минг Шу. — Семья Чу погрязла в глубоких, опасных водах. Немногие люди, перенесшие трансплантацию сердца, могут прожить более десяти лет. Чу Синь сейчас считается наполовину калекой, но члены семьи Чу все равно не спускают с него глаз.

Сяо Юань на мгновение замолчал.

— Официально Чу Синь находится под наблюдением полиции. Но на самом деле он находится

под нашей защитой. Если бы кто-то захотел выступить против него, он бы не смог сделать этого сейчас.

— Гэ, — сказал Минг Шу. — Мне работать, исходя из предположения, что операция Чу Синя связана с Цинь Ином?

— Сейчас у нас нет никаких доказательств, но не забывай, что здесь есть ключевая информация — время, — сказал Сяо Юань. — Цинь Ин был освобожден из тюрьмы Гун Гочжэнем семь лет назад в июне. Операция на сердце Чу Синя также состоялась семь лет назад, хотя в настоящее время мы не можем определить точную дату. Но, исходя из того, что мы знаем сейчас, Чу Синь исчез из поля зрения общественности в первой половине того года, самое позднее к 9 мая. Затем его не видели до марта следующего года.

Пульс Минг Шу постепенно участился:

— Даты совпадают. Тогда, если Цинь Ин и Чу Синь действительно связаны этой пересадкой сердца, разве Чу Синь не станет главной целью мстителя? Этот убийца ищет мести за Цинь Ина, убивая тех, кто причинил ему боль, одного за другим. Неужели их последний шаг — вернуть сердце Цинь Ина? Гэ, прямо сейчас, Чу Синь...

— Не волнуйся, — сказал Сяо Юань. — Тут есть люди из спецподразделения полиции, которые его охраняют.

— Нет, подожди, дай мне еще немного подумать об этом. — Минг Шу подпер лоб рукой. — Связана ли операция Чу Синя с Цинь Ином, мы сможем выяснить позже. Если мы скажем Чу Синю, что он может быть в опасности, его отношение наверняка изменится.

— Хм, — тихо пробормотал Сяо Юань.

— Тогда... исходя из наших текущих мыслей, Гун Гочжэнь вытащил Цинь Ина из тюрьмы ради его сердца. Разве это не означает, что Гун Гочжэнь уже мог делать что-то подобное в прошлом? — спросил Минг Шу. — Кража органов у заключенных... такие вещи обычно не являются единичными случаями.

Случаи кражи органов у заключенных происходили и внутри страны, и за рубежом в прошлом. В этой торговле на черном рынке участвовала целая сеть влиятельных людей, тюремных охранников и врачей.

Одной из общих черт всех этих случаев было то, что жертва никогда не была одна. После того, как вовлеченные в это люди почувствовали вкус огромных прибылей, они снова и снова шли на тот же риск, чтобы получить еще больше наград.

— Но сейчас в центре внимания Вторая тюрьма. Полиция города Цзинли и группа специальных

операций копают вокруг. Никто не нашел ничего подозрительного, — сказал Минг Шу. — Если предположить, что Цинь Ина увезли торговцы органами с черного рынка, как Гун Гочжэнь мог сделать это только один раз? И как ему это сошло с рук так чисто и умело?

— Пересадка органов чрезвычайно рискованна, а пересадка сердца еще опаснее, — сказал Сяо Юань. — Вы определенно не можете найти кого попало. Много следственной работы должно быть сделано заранее. В этой тюрьме было так много заключенных. Почему выбрали именно Цинь Ина?

Минг Шу подумал еще немного, потом вздохнул:

— Понятия не имею.

— Продолжай расследование по-своему, — сказал Сяо Юань. — Во-первых, если это дело о торговле органами, Цинь Ин определенно не был выбран случайно, по чистой случайности. Во Второй тюрьме должна быть информация, которую нам еще предстоит раскрыть. Во-вторых, Гун Гочжэнь был убит вместе со своей женой и внуком. У него все еще есть живые родственники. Вы также можете продолжать копать там. И, в-третьих, я снова поговорю с Чу Синем.

Сын Гун Гочжэня, Гун Фу, был учителем английского языка в Четвертой средней школе в городе Цзинли. Убитый ребенок был трехлетним сыном Гун Фу.

Эти трагические убийства заставили Гун Фу потерять трех членов семьи за одну ночь. Позже его жена развелась с ним, потому что не могла вынести боли потери.

С тех пор Гун Фу оставил свою работу учителя. Он по-прежнему был безработным и проводил дни, либо сидя дома, либо бродя по улицам, живя на свои сбережения.

В прошлом году, во время преступления против семьи Гун, полиция знала, что Гун Фу был близким родственником жертв, и они позаботились о том, чтобы не усугубить его хрупкое эмоциональное состояние. Но теперь Гун Гочжэнь больше не был простой жертвой. Он был связан с делом пропавшего заключенного из Второй тюрьмы, которого увезли семь лет назад.

Теперь полиции пришлось провести более тщательное расследование в отношении семьи Гун Гочжэня.

— Моего отца, мою мать и моего трехлетнего ребенка убили! — взревел Гун Фу. Он был крайне взволнован, когда его снова допросили. Его глаза были полны гнева и горя. — Теперь вы говорите мне, что с моим отцом была какая-то проблема, и что он был каким-то преступником? Как вы смеете! Как вы вообще можете такое говорить?! Мой отец усердно работал всю свою жизнь. После выхода на пенсию его убили. Вместо того, чтобы арестовать человека, который жестоко убил мою семью, вы поливаете грязью имя моего отца и просите меня сотрудничать в каком-то расследовании против него? Вы хотите, чтобы я сотрудничал с вами в ложном

обвинении моего отца?

— Это ложное обвинение, если человека обвиняют в том, чего он не делал, — сказал Минг Шу.
— Если человек сделал что-то неправильно и его поймали позже, это не ложное обвинение.

Гун Фу было около тридцати. Все учителя и ученики Четвертой школы говорили, что он был очень образованным и достойным учителем, который был великолепен в своей работе. Но, к сожалению, он полностью изменился после того, что случилось с его семьей.

— Чушь! — Гун Фу уже не был таким достойным, каким его описывали. Он яростно посмотрел на следователей, стоящих перед ними, как будто это были люди, которые лично убили его семью.

— Вы женились шесть лет назад, а за полгода до свадьбы купили этот дом. — Минг Шу обвел взглядом квартиру, в которой давно не убирались. Наконец, он снова обратил внимание на Гун Фу. — Сто двадцать квадратных метров, три спальни и две гостиные. Расположено в здании среднего класса в центре города, недалеко от лучшей начальной школы во всем городе Цзинли. Согласно стоимости жилья шесть или семь лет назад, эта резиденция стоила бы не менее миллиона юаней.

Гун Фу бушевал, словно лишился рассудка. Он заорал:

— Вы, люди, не заслуживаете называть себя полицией! Вместо того, чтобы поймать тех, кто убил мою семью, вы пришли обследовать мой дом?! Какая разница, сколько стоит мой дом?

— Конечно, это важно. — Минг Шу взглянул на сообщение на своем телефоне, в котором содержалась информация от группы специальных операций, подтверждающая, что Гун Фу полностью заплатил за этот дом шесть с половиной лет назад.

В настоящее время подавляющее большинство людей берут кредит, чтобы купить дом. Город Цзинли был небольшим городом, менее экономически развитым, чем города Донгье и Лочэн. Шесть лет назад Гун Фу был учителем средней школы, которому еще не было и тридцати лет. Где бы он мог взять миллион юаней, чтобы купить дом?

— Когда ты купил этот дом, ты еще не был женат. Ты зарабатывал меньше шести тысяч юаней в месяц, а за дом стоимостью в миллион юаней ты выплатил всю сумму. Кто дал тебе эти деньги? — спросил Минг Шу.

— Не твое дело! — прорычал Гун Фу. — Почему вы, люди, так зациклились на моем доме?!

— Если вы не можете четко сказать нам, откуда взялся этот миллион, я не могу отказаться от этой линии вопросов, — сказал Минг Шу. — Гун Гочжэнь дал вам деньги?

Зрачки Гун Фу сузились в одно мгновение:

— Ну и что, если он это сделал! Мой отец был бережливым и много работал. Он и моя мать работали не покладая рук, чтобы накопить эти деньги! Ты что, подозреваешь, что он украл деньги, которые дал мне на покупку этого дома? Вы... вы, люди, слишком хорошо умеете попирать имя хорошего человека!

— Бережливость — это правильно, — сказал Минг Шу. — В конце концов, они жили в старой квартире. Но возможно ли накопить миллион юаней, просто будучи бережливым?

В городе Цзинли тюремный охранник, каким бы бережливым он ни был, не смог бы накопить миллион юаней.

Гун Фу на мгновение встретился взглядом с Минг Шу, но вскоре отвел взгляд.

— Не весь миллион достался мне от отца. У нас с женой тоже были сбережения, а сестра также поддержала меня пятьюстами тысячами!

— Твоя сестра? — тихо спросил Минг Шу. — Гун Синь.

— Да. Если ты мне не веришь, спроси ее! — сказал Гун Фу. — И мою бывшую жену. Если ты должен спросить ее, то спроси. Но не смей клеветать на моего отца!

Минг Шу уже хотел связаться с Гун Синь, но Гун Синь покинула страну более десяти лет назад. В прошлом году, когда были убиты три члена семьи Гун, полиция пыталась найти ее, но не смогла.

— Ваша сестра оказала вам поддержку в размере пятисот тысяч юаней, — сказал Минг Шу. — Как она оказала вам эту поддержку? Вы общались с Гун Синь в прошлом году?

Выражение лица Гун Фу стало немного неестественным:

— Она давно оборвала с нами связь.

— О? — Минг Шу поднял брови. — Как давно было это "давно"?

Гун Фу поджал губы, отказываясь отвечать.

— Она разорвала с тобой отношения, но все равно была готова поддержать тебя и помочь тебе купить дом? — спросил Минг Шу. — Это не очень логично.

Полиция проверила банковские записи семьи Гун. Ни у кого из них — ни у Гун Гочжэня, ни у его жены, ни у Гун Фу — не было записей о крупных транзакциях под их именем. Однако Гун Фу сделал огромный депозит на свой сберегательный счет незадолго до покупки дома.

— Вы, ребята, думаете, что я не могу позволить себе это место, поэтому, что бы я ни сказал, вы скажете, что это нелогично! — спорил Гун Фу. У него уже были слезы на глазах, и он скрежетал зубами. — Деньги, на которые я купил этот дом, были абсолютно чистыми!

— Тогда могу ли я подтвердить, что до того, как ты купил этот дом, Гун Гочжэнь дал тебе немного денег. Твоя сестра дала тебе немного денег. А остальное ты и твоя бывшая жена собрали вместе? — спросил Минг Шу.

Гун Фу все еще стиснул зубы.

— Сколько тебе дал Гун Гочжэнь? — спросил Минг Шу.

— От него и моей сестры... в общей сложности девятьсот тысяч.

— Вы заплатили миллион за это место, а вы с бывшей женой внесли всего сто тысяч юаней или около того, — сказал Минг Шу. — Вы это хотите сказать?

— Нам также пришлось заплатить за ремонт! — воскликнул Гун Фу. Он неосознанно попал под влияние Минг Шу, и его внимание полностью переключилось на защиту покупки дома. — Ремонт обошелся нам еще в триста тысяч юаней!

Минг Шу кивнул.

— Гун Гочжэнь передал тебе девятьсот тысяч юаней наличными? Он сказал тебе пойти в банк и положить их на счет, чтобы заплатить за дом?

Гун Фу открыл рот и помолчал некоторое время, прежде чем ответить:

— Да. Они не знали, как перевести деньги.

Минг Шу рассмеялся:

— Они не знали, как переводить деньги, поэтому они забрали свои деньги и деньги своей дочери из банка и передали их вам, чтобы вы положили их на свой счет. Но в этом-то и проблема. Я не нашел никаких записей о том, что Гун Синь переводил деньги Гун Гочжэню, и я не нашел никаких записей о том, что Гун Гочжэнь снимал эту сумму из банка.

Лицо Гун Фу мгновенно стало мертвенно-бледным.

— Гун Гочжэнь, возможно, не знал, как переводить деньги, но разве он обычно не держал свои деньги в банке? — спросил Минг Шу. — А может ли быть так, что твоя сестра, которая живет так далеко, не переводила деньги Гун Гочжэню через банк? Ты утверждаешь, что она отправляла ему деньги наличными?

— Я... — Гун Фу окончательно потерял дар речи.

— Эти девятьсот тысяч юаней, — твердо заявил Минг Шу. — Откуда именно они взялись?

Слезы наконец полились из глаз Гун Фу. Он опустил голову на руки, затем продолжал трясти головой и в панике сказал:

— Вы же полиция, не так ли! Вы идите и расследуйте! Ладно, хорошо, может быть, мой отец взял грязные деньги. Значит ли это, что он заслужил быть убитым? Разве вы, полиция, не должны найти того, кто его убил?

Минг Шу уставился на Гун Фу. Выражение его лица становилось все более и более суровым, а тон — холодным:

— Я спрашиваю тебя о том, что тогда произошло, именно для того, чтобы найти убийцу Гун Гочжэня!

Гун Фу вытер лицо, залитое слезами:

— Но я действительно не знаю. Я был просто учителем, я не мог накопить много денег. Шаньшань и я очень любили друг друга, но ее семья сказала, что не позволит ей выйти за меня замуж, если я не смогу купить большой дом. Шаньшань и я пытались накопить, но не смогли набрать достаточно денег...

— Итак, ты попросил родителей о помощи? — спросил Минг Шу.

Гун Фу застыл и долго молчал, прежде чем наконец сказать:

— Я тоже удивлялся, как мой отец нашёл столько денег. Я спросил его однажды, и он сказал, что ему помогла моя сестра. Мы с сестрой всегда были в плохих отношениях, с тех пор как были детьми. Моя сестра уехала из страны, потому что, как она сказала, у наших родителей был только один любимчик в семье, и она поклялась, что никогда не вернётся, когда уедет. Она... она не могла поддержать меня в покупке дома... Но я не осмелился задать ни одного вопроса.

Гун Фу начал дрожать.

— Если бы у меня не было достаточно денег, я бы не смог купить дом и жениться на Шаньшань. Я... это из-за меня? Из-за меня убили моего отца?

После большой работы группе специальных операций наконец удалось связаться с Гун Синь, которая теперь обосновалась в южном полушарии.

Узнав, что ее родители умерли год назад, Гун Синь на мгновение замолчала. После этой короткой паузы Минг Шу услышал ее вздох.

— Я не думала, что попрощаюсь навсегда, когда уйду тогда, — сказала Гун Синь. — Я просто ненавидела их и Гун Фу, но не настолько, чтобы желать им смерти.

Минг Шу слышал о нынешних обстоятельствах Гун Синь. Она работала в сфере энергосбережения и уже была замужем. Она жила очень счастливой жизнью.

— Мои соболезнования, — сказал Минг Шу. — У меня просто есть несколько вопросов, на которые мне нужно получить ответ.

Гун Синь сдержала эмоции, насколько это было возможно.

— Ладно, давайте, спрашивайте.

— Семь лет назад Гун Гочжэнь связывался с вами и просил денег, чтобы помочь Гун Фу купить дом? — спросил Минг Шу.

Гун Синь некоторое время молчала, скорее всего, вспоминая прошлое. Примерно через десять секунд она сказала:

— Они просили, но я ничего им не дала. Они ругали меня за хладнокровие и нежелание помочь собственному младшему брату.

— Когда вы в последний раз общались со своей семьей? — спросил Минг Шу.

— Более четырех лет назад, я думаю. Я не могу вспомнить точно, — сказала Гун Синь с горьким смехом. — На самом деле, с тех пор как я покинула страну, я вообще не общалась с ними. Я не чувствую особой родственной связи со своей семьей. Если бы им нужно было, чтобы я поддерживала их в старости, прекрасно. Но когда им просто нужно от меня побольше денег, я без раздумий им откажу.

Наступила поздняя осень, и все куда-то спешили. Ле Ран все еще был в своей ярко-желтой куртке и надел бейсболку. На первый взгляд он был похож на обычного работника доставки.

Минг Шу отправил его забрать заказ на обочине именно потому, что на нем был этот наряд.

Когда водитель доставки еды подъехал на своем мопеде и увидел, как Ле Ран протягивает руку, чтобы принять заказ, он вздрогнул.

Ле Ран потерял дар речи. Он поспешил обратно в здание с доставленной едой. Разделяя одноразовые палочки для еды, он спросил:

— Брат Минг Шу, неужели я действительно похож на парня из ресторана на вынос в этом наряде?

Минг Шу взял набор медового барбекю и прислонился к столу, чтобы начать есть:

— Тебе никто не сказал?

— Все говорят, что мне это идет и выглядит солнечно, — сказал Ле Ран. Он не торопился приступать к еде, вместо этого достал телефон и сначала все сфотографировал. — Брат Чжао Фань сказал, что все носят унылые цвета зимой и выглядят такими угрюмыми. Чем больше людей так одеваются, тем важнее для кого-то одеваться ярко. Например, в праздничные красные или желтые цвета...

Минг Шу вспомнил яркие красные цвета, которые носил Чжао Фань, когда они виделись в последний раз. Уголки его губ дернулись в улыбке:

— Только не говори мне, что Чжао Фань подарил тебе эту куртку.

— Ну, нет. — Ле Ран покачал головой и оглядел комнату, проверяя дверь. Убедившись, что Шэнь Сюня там нет, он сказал: — Приближается день рождения брата Сюня, и я хотел подарить ему какую-нибудь одежду. Но мои вкусы, ты ведь знаешь, — это мусор.

Минг Шу отложил палочки для еды:

— ...Леле, не нужно говорить так о себе.

— О, но это правда. У меня нет вкуса и я ничего не смыслю в эстетике. — Ле Ран это не смутило. — Я не могу сказать, какая одежда суперкрасивая, а какая нет. Если бы мне пришлось выбирать, я бы, наверное, выбрал спортивную куртку для брата Сюня.

Минг Шу рассмеялся:

— Спортивная куртка была бы вполне уместна.

— На самом деле, когда ты тренировался с нами, я хотел попросить тебя пойти со мной по магазинам, потому что ты хорошо выбираешь одежду. Но потом ты вернулся в город Донгье, а капитан Хуа и младший брат Лю оба в Лочэне. Единственный, кого я могу использовать, это брат Чжао Фань. Поэтому я могу пойти в торговый центр только с ним.

— Мм, — промычал Минг Шу. — Что ж, Чжао Фань — это тот, кого и вправду можно использовать.

Чжао Фань, находившийся где-то по делам, внезапно чихнул.

Ле Ран продолжил:

— Брат Чжао Фань и брат Сюнь, по крайней мере, одноклассники. Они одного возраста. Их вкусы тоже довольно похожи.

Минг Шу про себя подумал: У твоего брата Сюня и Чжао Фаня очень разные вкусы!

— Но в конце концов я все равно выбрал что-то для брата Сюня сам, — сказал Ле Ран с улыбкой. — Брату Сюню это очень понравилось.

Минг Шу беспомощно спросил:

— Значит, ты потащил Чжао Фаня с собой по магазинам, и он не помог тебе выбрать что-то для капитана Шэня, но выбрал что-то для тебя?

— Да, эту куртку. — Ле Ран почесал голову. — В тот момент мне не показалось, что она делает меня похожим на парня, работающего в ресторане...

Минг Шу похлопал Ле Рана по плечу:

— Леле, в следующий раз не ходи за покупками с Чжао Фанем. Он тебя просто обманул.

Ле Ран сделал несколько селфи. Чем больше он на них смотрел, тем больше ему казалось, что он похож на доставщика еды.

— Чёрт возьми! — взорвался образцовый член спецназа.

Минг Шу рассмеялся.

— Как только это дело будет раскрыто, ты не будешь торопиться возвращаться в столицу, верно?

— Не могу быть уверен, — сказал Ле Ран. — Зависит от того, будет ли новая миссия.

— Приезжай ко мне на пару дней, — сказал Минг Шу, принимая на себя роль надежного старшего брата. — Я помогу тебе выбрать одежду.

У них был только короткий перерыв на еду. Буквально через несколько минут все собрались за столом для совещаний и все съели.

Минг Шу изначально полагал, что сможет раскопать больше информации во Второй тюрьме, но он уже тщательно проверил обстоятельства всех, кто отбывал там срок за последние десять лет. Никто из них не постигла та же участь, что и Цинь Ина, что означало, что Цинь Ин был единственной жертвой. Если Цинь Ин стал жертвой торговцев органами, то для него было бы беспрецедентным оказаться единственной жертвой во всей тюрьме. Вероятность этого была ничтожно мала.

Более того, не было никаких записей, показывающих, что Цинь Ин прошел медицинское обследование, которое могло бы подтвердить его как подходящего кандидата для трансплантации. Хотя тюрьма проводила регулярные медицинские обследования, они были далеко не достаточно тщательными, чтобы подтвердить совместимость трансплантата.

Учитывая эти два источника информации, можно предположить, что Цинь Ин был увезен Гун Гочжэнем не потому, что кто-то хотел извлечь его органы.

Но если они исключили эту возможность, то все вернулось бы к исходной точке.

Минг Шу распахнул окно. Холодный ветер поздней осени мгновенно ворвался в комнату.

Шэнь Сюнь подошел к нему:

— То, что Цинь Ин был увезен, сейчас является самой большой загадкой. За семь лет после того, как он приехал в город Цзинли, он вел чрезвычайно мирную и тихую жизнь. Он стал совершенно обычным членом общества. Если бы нам пришлось угадывать, кто мог желать его смерти, я бы подумал только о Цао Фэнхуае — даже когда Цинь Ин был в тюрьме, Цао Фэнхуай мог бояться, что Цинь Ин однажды расскажет правду, поэтому он мог быть полон решимости убить его. Но мы уже расследовали дело семьи Цао. Цао Фэнхуай заставлял своих доверенных лиц делать за него все, всю грязную работу. И даже сейчас эти доверенные лица отказываются признать свою причастность к «побегу» Цинь Ина из тюрьмы. У нас нет оснований подозревать, что они были в этом замешаны.

Минг Шу скрестил руки на груди и покачал головой:

— Если бы Цао Фэнхуай хотел заставить Цинь Ина замолчать, у него были бы более простые и безопасные способы сделать это. Вызволить Цинь Ина из тюрьмы было бы не его первым выбором. Если Цао Фэнхуай уже подкупил охранников, почему бы не заставить охранников сделать всю грязную работу в тюрьме? Цао Фэнхуай не смог бы лично заставить Цинь Ина замолчать.

— Тогда, должно быть, он был нужен кому-то извне, — сказал Шэнь Сюнь. — Капитан Минг, помимо торговли органами, можете ли вы придумать какие-либо другие возможные объяснения?

Минг Шу нахмурился. Теперь подсказки постепенно начали складываться воедино. Семь лет назад сыну Гун Гочжэня нужна была большая сумма денег, чтобы купить дом. Гун Гочжэнь не мог достать столько денег самостоятельно, а его дочь, которая жила за границей, не хотела помогать. В то время кто-то предложил Гун Гочжэню способ «быстро разбогатеть». И Гун Гочжэнь воспользовался этой возможностью, заставив другого тюремного охранника сотрудничать с ним.

Тот, кто предложил такую «возможность», должен был быть очень богатым.

Семья Чу выполнила это условие, и Чу Синь действительно перенес операцию по пересадке сердца семь лет назад.

Но семья Чу могла бы легко найти донора. Почему это должен был быть Цинь Ин?

О чем еще не подумала полиция?

Чего им еще не хватало?

Какой угол все еще покрыт пылью?

Минг Шу глубоко вдохнул холодный воздух и вернулся к доске.

Город Донгье. Книжное кафе Ханьшань.

Была уже поздняя ночь. Большинство кафе уже закрылись. Только это книжное кафе, имеющее репутацию «ночного городского кафе», было еще открыто. Но посетителей было очень мало, почти никого.

В углу сидели двое мужчин в костюмах.

— Чу Синь сейчас в руках полиции, — сказал Шуй Сюнь. — Дело на горе Циюэ наделало шума. Полиция следит за ним день и ночь. Господин Чу ничего не может сделать.

Ло И холодно заявил:

— У Чу Цина достаточно средств, чтобы подловить Чу Синя.

Шуй Сюнь рассмеялся.

— Все зависит от времени. Сейчас слишком рискованно идти против полиции.

Ло И молчал. Его глаза, обычно полные доброты и терпимости, постепенно потемнели.

Шуй Сюнь встал и натянуто улыбнулся:

— Не волнуйся. Ты не единственный, кто хочет избавиться от Чу Синя. После всех проблем, которые причинил Чу Синь, ты действительно думаешь, что господин Чу хочет видеть его свободно живущим в храме Хайцзин?

<http://bllate.org/book/14859/1321977>